

Се Синьцзянь поджал губы и с невольным вздохом выпростал руки из карманов.

Ли Вэньсю опустил взгляд. На когда-то нежных ладонях юноши месивом сходила кожа; сквозь дождевую воду сочилась алая кровь, а в развороченную мякоть ввелись щепки и мелкая древесная крошка.

В груди у Вэньсю мгновенно вспыхнула глухая, удушливая ярость, но он тут же заставил себя подавить этот порыв. Обернувшись к ассистенту, он отрывисто бросил:

— Передай режиссёру Ло, что я уехал.

Помощник обомлел. Ли Вэньсю только что бросил разговор с постановщиком на полуслове и выскочил под дождь, а теперь и вовсе сбегает? Неужели не боится навлечь на себя гнев Ло Юаньцзе?

Однако, косо взглянув на замершего рядом Синьцзяня, парень не дерзнул спорить и лишь поспешно кивнул.

А Се Синьцзянь уже спрятал содранные ладони и молча шагнул к минивэну.

Чжоу Мин скрутил крышку с термоса и плеснул горячего напитка:

— Сяо Се-гэ, выпейте имбирного чая. Я с самого утра его таскаю, согрейтесь, а не то простудитесь!

Хотя чай простоял почти весь день, термос держал тепло на совесть — над пластмассовой чашкой клубился густой белый пар.

Синьцзянь потянулся за напитком, но едва обожжённые подушечки пальцев коснулись горячего пластика, как острая боль заставила его судорожно выдохнуть и отдёрнуть руку.

— Давайте я вас напою? — спохватился Чжоу Мин.

Не успел юноша ответить, как из-за его спины вытянулась широкая ладонь и уверенно подхватила чашку.

— Я сам.

Ли Вэньсю бесшумно поднялся в салон.

Чжоу Мин опешил, но тут же расторопно передал термос актёру и убрался в самый дальний

угол, выудив пару сухих полотенец:

— Как закончите, вытрите Сяо Се-гэ, пожалуйста! Заранее спасибо, Учитель Ли!

Вэньсю кивнул. Опустившись на сиденье рядом с Синьцянем, он аккуратно поднёс к его губам исходящий паром чай.

Се Синьцяню стало неловко:

— Я и сам могу...

— Тебе тяжело двигать руками, — в мягком тоне Ли Вэньсю проскользнула властная, не терпящая возражений нота.

Синьцянь вскинул глаза. Актёр смотрел на него пристально и молча. Помявшись мгновение, юноша всё же прильнул к краю и выпил чай до капли.

Вэньсю налил ещё:

— Ещё будешь?

Синьцянь качнул головой. Тогда Ли Вэньсю без колебаний осушил чашку сам.

Минивэн осторожно полз по размокшему серпантину — спуск с горы в проливной дождь требовал от водителя предельной концентрации.

На заднем сиденье Вэньсю бережно промакивал полотенцем мокрые волосы Синьцяня, а затем начал вытирать хлюпающую одежду. Юноша не проронил ни слова. Но когда Вэньсю достал бутылку минералки, чтобы смыть грязь с его ладоней, Синьцянь не сдержал тихого стона.

— Больно?

Се Синьцянь лишь поджал губы, упрямо промолчал.

Актёр не прекратил работы, точными движениями извлекая из окровавленной плоти глубоко засевшие щепки:

— Поранился — почему молчал?

— Лишняя суета, — сухо отозвался Синьцянь. — Сказал бы — поднялся бы шум, все начали бы

бегать вокруг. Всё равно в отеле покажусь врачу.

— И на что ты тогда злишься?

Юноша вскинулся, с ходу возражая:

— Ни на кого я не злюсь!

— На меня злишься?

— Нет, — буркнул Синьцзянь и отвернулся к окну.

Злости и впрямь не было — да и причин для неё, казалось бы, не имелось. Но на душе всё равно скребли кошки. Он рисковал собой, спасая людей! И вместо похвалы Ли Вэньсю встретил его каменным лицом, с порога начал стыдить и указывать на ошибки, будто Синьцзянь натворил глупостей. С какой стати?

— Прости. Я просто ужасно за тебя испугался, — раздался рядом тихий голос Вэньсю. — Ты проявил мужество в минуту опасности, и я искренне уважаю твоё чувство долга... Но хвалить тебя наравне с остальными я не в силах.

Синьцзянь в изумлении повернулся. Он встретился с тёмными, как ночное небо, глазами актёра, в глубине которых таилась глухая тревога и затаённая самоукоризна.

Сердце Синьцзяня пропустило удар. Перед глазами неожиданно всплыл давно забытый эпизод из детства.

Ему было шесть лет. Он жил у бабушки в старинном усадебном доме в деревне. Одним жарким днём после школы он вместе с местными мальчишками побежал к реке ловить рыбу. Несмотря на малый возраст, он уже знал правила безопасности и не лез в глубину, а просто плескался на мелководье, ступая по гладкой гальке.

Пока один из мальчишек не пошёл ко дну. На берегу поднялась паника, дети зашлись плачем, и только маленький Синьцзянь вспомнил, что человека надо спасать.

Кое-как вытащив тонущего на сушу, он дождался прибежавших на шум взрослых. Убедившись, что ребёнок жив, благодарные родители принялись наперебой хвалить маленького спасителя. Синьцзянь смущённо отнекивался, хотя в душе его распирала гордость.

А потом пришла его мать. Маленький Синьцзянь ждал, что и она обнимет его и похвалит, но вместо этого на него обрушился шквал гнева:

— Ты сошёл с ума?! Знаешь, как это опасно?! — Молодая женщина, покраснев от пережитого ужаса, сгребла его в охапку, её голос дрожал от слёз. — Кто просил тебя лезть в воду?! Он тонул по собственной глупости, а ты за ним?! Если бы ты погиб... что бы я делала?!

Синьцяннь только-только вылез из ледяной реки, его бил озноб, а в ушах всё ещё стоял гул засасывающей воды. Ему до смерти хотелось уткнуться матери в колени и поплакать, выпрашивая ласку. Он и помыслить не мог, что всегда кроткая и ласковая мама впервые в жизни спустит на него всех собак.

Уткнувшись подбородком в её плечо, маленький Синьцяннь глотал жгучие, обидные слёзы. Он изо всех сил сжимал кулачки, пытался сдержаться, но в итоге не выдержал и громко, навзрыд разразился плачем.

После этого он долго ходил сам не свой.

Вечером мать пришла к нему в комнату и легла рядом. Но обиженный Синьцяннь демонстративно повернулся к ней спиной, буркнув что-то под нос.

Слова, сказанные ею в ту ночь, навсегда въелись в его память:

«Я не виню тебя, сынок. Напротив, я горжусь, что ты растёшь добрым и смелым. Но я отругала тебя именно потому, что ты — мой сын. Все вокруг восхищаются твоим героизмом, но переживает за тебя лишь тот, кому ты дорог. И злимся мы не оттого, что ты поступил дурно, а потому что смертельно боимся тебя потерять. Пойми: я слишком сильно тебя люблю... Прошу, обещай мне: если такое повторится, ты первым делом подумаешь о собственной безопасности, хорошо?»

Маленький Синьцяннь тогда забился под одеяло, сцепив зубы, чтобы не зарыдать снова.

Не дождавшись ответа, мать вздохнула и встала с кровати:

«Ну ладно, я всё сказала. Спи крепко».

И тут из-под одеяла выпросталась детская ручонка, судорожно вцепившись в край её платья.

Мать обернулась. На неё снизу вверх смотрел мальчик с мокрыми от слёз глазами и пунцовым носом, шмыгая и заикаясь:

«Ты же... ты же обещала остаться со мной...»

С тех пор как матери не стало, детские воспоминания постепенно потускнели. Синьцзянь уже и не помнил, когда в последний раз возвращался к той ночи.

Но сейчас всё вернулось с пугающей чёткостью.

А Вэньсю продолжал тихим, глубоким голосом:

— Подвиг сам по себе достоин глубочайшего уважения. Но я хочу, чтобы в следующий раз, прежде чем бросаться на помощь, ты спросил себя: готов ли ты заплатить цену?

Синьцзянь почувствовал, как к горлу подступает тёплый комок, но тут же шутливо нахмурился:

— А сам-то? — Он воззрился на Вэньсю. — Окажись ты на моём месте, разве поступил бы иначе? Смог бы ты равнодушно пройти мимо чужой беды?

На этот раз умолк Ли Вэньсю.

Ответ был очевиден: он поступил бы точно так же.

Машина продолжала плавно спускаться сквозь пелену ливня. Оба молчали. Некоторым истинам бесполезно учить: оказавшись перед лицом опасности, ты действуешь вопреки любой логике.

Совесть просто не позволит поступить иначе. Как в той известной фразе: «Доброта — это не выбор, а ответственность».

Вернувшись в отель, Синьцзянь собирался вызвать врача из съёмочной группы.

Но Ли Вэньсю остановил его, пообещав привести специалиста.

— Кого? — удивлённо переспросил Синьцзянь.

— Эспера-целителя, — пояснил Вэньсю. — Их способности заживляют раны за считанные секунды.

— Спасибо, конечно, — Синьцзянь качнул головой. — Но на мне это не сработает.

Вэньсю вскинул брови.

— Я ведь так и не рассказал тебе про свою способность? — Синьцзянь едва заметно улыбнулся. Раньше он ненавидел эту особенность, но постепенно научился принимать её как часть себя. — Моя сверхспособность называется [Абсолютное аннулирование]. Название говорит само за себя: любая чужая способность на меня просто не действует.

Ли Вэньсю опешил.

Он строил гипотезы о природе дара Синьцзяня, предполагая мощный защитный или регенеративный тип, но даже представить не мог, что имеет дело с настолько редкой формой нейтрализации.

К тому же, раз Синьцзянь смог повлиять на его [Поглощение], уровень его силы был никак не ниже А-класса.

Впрочем, вдаваться в размышления было некогда — Вэньсю тут же набрал обычного врача и попросил срочно прийти.

В номере Синьцзянь оглядел свои руки. Вэньсю ещё в машине смыл грязь и наложил временную повязку, так что ладони выглядели уже не столь жутко.

Юноша кое-как переоделся в сухое, и вскоре в дверь постучали.

Пришёл тот самый врач из группы фильма «Лицемерный вид» — обычно не затыкающийся ни на минуту балагур. Сегодня он был мрачнее тучи: оказалось, один из микроавтобусов съёмочной группы занесло на скользкой дороге. Произошла авария, и пострадавших срочно везли в местную больницу.

Понимая, что на острове с медициной туго, Синьцзянь не стал задерживать медика — тот лишь наложил свежие бинты и поспешно удалился.

Раны были не смертельными, хоть из-за белых бинтов руки и выглядели впечатляюще.

Проводя врача, Синьцзянь заметил, что дверь в соседний номер Ли Вэньсю распахнута настежь, а внутри суетятся рабочие.

Он заглянул внутрь и обомлел: порыв ветра выбил оконную раму, и дождь закрутил в комнате настоящий водопад. Управляющий отелем вместе с ремонтниками пытался хоть как-то спасти ситуацию.

— И где ты будешь спать? — спросил Синьцзянь, повернувшись к Вэньсю.

— К ночи обещают починить, — ответил актёр.

— Да-да! — закивал испуганный управляющий. — Поломка пустяковая, сейчас заменим промокаемую мебель...

Синьцянь оглядел спальню: ковёр и матрас промокли насквозь, на полу стояли лужи.

— Как в этом можно спать?! — Синьцянь нахмурился.

— Посплю в гостиной, — ровно отозвался Вэньсю.

— Почему нельзя просто сменить номер?

Управляющий покрылся холодным потом:

— Простите великодушно, свободных номеров в отеле больше нет...

Лицо Синьцяня сделалось ещё мрачнее. Он едва удержался от вспышки гнева.

Заметив его недовольство, Вэньсю перевёл тему:

— Тебе забинтовали руки? Что сказал врач?

— Ничего особенного, обычные ссадины, — буркнул Синьцянь, но на вопрос ответил.

Вэньсю осторожно взял его за запястья, разглядывая плотные слои марли.

— Набирайся сил, — он тихо отпустил его руки. — Всё равно из-за тайфуна съёмки приостановят на пару дней.

— Слушай... — Синьцянь запнулся, а затем произнёс: — Можешь переночевать у меня.

— Не помешаю?

— Кровать огромная, — отрезал Синьцянь, поджав губы. — К тому же в этой разрухе ты всё равно не уснёшь.

Управляющий мгновенно ухватился за предложение:

— Отличная идея! Господин Ли, если вы не против, это идеальный выход!

Вэньсю подумал мгновение и кивнул, попросив ассистента принести его вещи.

На прощание управляющий извинялся до полусмерти:

— Нам ужасно неловко! Мы полностью аннулируем плату за следующие десять дней и дарим вам золотую карту отеля — скидка двадцать процентов на все услуги и ресторан!

К вечеру улеглись последние приготовления.

После ужина на телефоны пришли экстренные оповещения от метеослужбы: тайфун должен был обрушиться на остров Вэйхай в полночь. Рыболовецким судам запретили выход в море, любые работы на открытом воздухе прекратились.

Делать было нечего. Вымывшись, Синьцянъ лёг в кровать.

Из панорамного окна открывался вид на беснующееся море. Каждая вспышка молнии на мгновение выхватывала из тьмы гигантские свинцовые волны.

Синьцянъ любил такие моменты — в них ощущалась первозданная, дикая мощь природы.

Он хотел было поделиться впечатлениями с Вэньсю, но, повернувшись, увидел, что тот уже лежит, укрывшись с головой. Гаджет в руках он не держал — похоже, действительно лёг спать.

— Ты спишь? — тихо позвал Синьцянъ.

— Сплю, — глухо отозвался Вэньсю из-под одеяла.

Не было и десяти вечера. Не рановато ли? Синьцянъ удивился, но рассудил, что после тяжёлого дня актёр просто вымотался.

Задёрнув шторы, Синьцянъ закрыл глаза.

Но даже в темноте отзвуки бури проникали в комнату. За окном гремел раскатистый гром, от ударов стихии дрожали оконные стёкла.

И странное дело: с каждым новым ударом грома матрас под Синьцянём едва заметно вдавливался.

Синьцзянь грозы не боялся, да и вибрация была не от ветра.

Неужели...

В голову Синьцзяня пришла самая абсурдная мысль.

Неужели Ли Вэньсю... дрожит?

Всесильный, несокрушимый Вэньсю боится грозы? Это казалось безумием. Но иного объяснения не находилось.

Треснул очередной раскат. Синьцзянь осторожно выпростал руку из-под своего одеяла и коснулся края чужого — и действительно ощутил частую мелкую дрожь. При каждом грохоте неба тело актёра под одеялом сжималось.

Сомнений не оставалось.

Синьцзянь и подумать не мог, что безупречный Ли Вэньсю окажется подвластен столь банальному страху! Впрочем, все мы люди — сам Синьцзянь до смерти боялся собак и терпеть не мог болгарский перец.

В темноте Синьцзянь бесшумно подвинулся ближе.

И в то же мгновение, стоило ему оказаться рядом, бушевавшая внутри Вэньсю жажда разрушения спала, словно повинувшись невидимому приказу.

Под одеялом Ли Вэньсю издал едва слышный выдох. Могущественный эспер S-класса впервые в жизни обрёл долгожданный покой посреди грозовой ночи.

<http://bllate.org/book/19727/1985722>